
С.Н.Игнатов

Фидель да Габриэль

Сегодня 30-го мая 2013 г., когда одному из них — 86, а другому — 87, сегодня, когда без всякого предупреждения от Провидения я увидел их обоих, стоящими на Коралле в десяти тысячах километрах от меня, — сегодня оба они еще живы. И жива эпоха, внутри которой я прожил большую часть жизни. Но они вот-вот уйдут. В любую минуту. И тогда уйдет эпоха. А в мире ничего не произойдет. Так уж все устроено, и все будут жить, как жили.

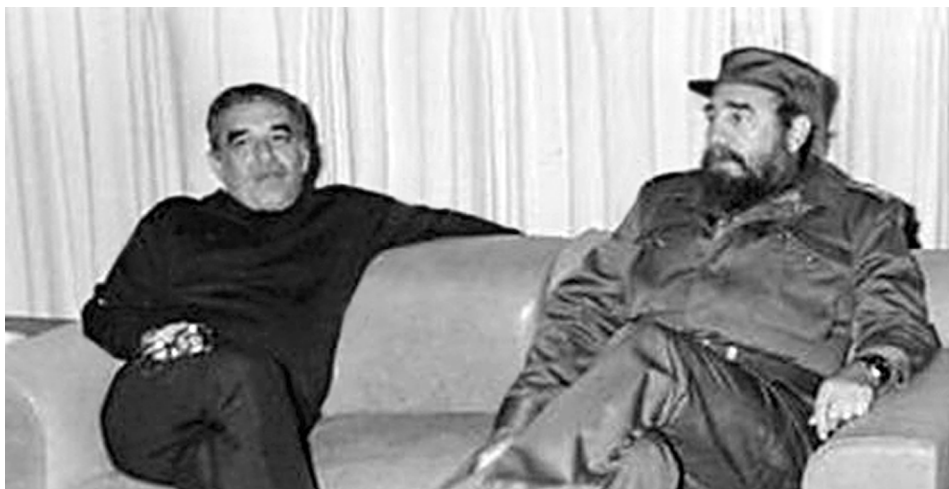
Умопомрачительный, вечный карибский закат сегодня творится только для них двоих. Только им двоим в этот вечер сияет трансцендентальная, растворенная в повседневной вечности панорама, которую каждый из них впервые увидел еще тогда, когда матери младенцами вынесли их на побережье, чтобы грудное молоко пропиталось закатным океанским солнцем. Панораму, которую каждый из них долго еще будет видеть даже после смерти.

Ни одно человеческое существо не может видеть этого светопредставления заката над Кубой здесь и сейчас. Только они двое, если не считать окаменевших костей конкистадоров, еще более древних костей индейцев племени таино, вырезанных конкистадорами, добела обглоданных сухопутными крабами костей защитников Плайя Хирон, да совсем юных невыразительных и случайных здесь костей современных утопленников.

Они двое — единственные живые души на многие километры вокруг, внутри плотного кольца из подводных лодок и штурмовых катеров с моря, вооруженных до зубов моторизованных военных и отборной гвардии телохранителей со стороны суши. Все это предназначено только одному из них, но он позвал в гости другого, и они оба так дорожат этими редкими встречами, что тот, кому все это предназначено, впервые в жизни думает: сомнительное удовольствие быть вечным пленником своей охраны все же иногда имеет свои плюсы. А еще сразу за кольцом притаилось множество карет скорой помощи, наспигованных самым современным оборудованием, и пара санитарных вертолетов. Это уже предназначено обоим. Потому

Сергей Николаевич Игнатов — журналист-международник (cignatov@yandex.ru).

Отрывки из повести. Полностью будет опубликована в журнале «Знамя».

Габриэль Гарсиа Маркес и Фидель Кастро

что старость у них общая. Они оба знают про эту засаду, но оба улыбаются, когда думают об этом. Они-то знают, если кому-то из них приспичит дать дуба именно сейчас, все равно никто не успеет. Они-то знают, что отнять человека можно только у чужой, случайной смерти, но у своей собственной, той самой, с которой они оба уже давно обо всем договорились, — никогда. Они-то знают, что все кареты скорой помощи носятся по миру с грохотом и воем только из чистейшей досады, что вечно всегда и везде опаздывают.

Они стоят рядом, глядя на океан в благодном стариковском умилении влажными, прозрачными, как будто полыми глазами, выцветшими от того, что им приходилось видеть помимо этого неделимого заката на двоих. Они стоят очень близко друг к другу. Очень старенькие, ослабленные длинной жизнью. И несильные порывы ветра с океана слегка покачивают их фигуры из стороны в сторону, как подвешенные на ниточках высушенные шкурки игуан. Время от времени ветер сталкивает их плечами, и оба смеются смехом, похожим на звук, с которым в огромном стручке малинче перекатываются сухие семена акации. Как будто сухие капли воды катятся по сухому желобу. Сеньоры Габриэль и Фидель смеются, потому что дух их все еще настолько свеж, что его хватит на многие поколения вперед. И первые из тех грядущих поколений уже берут займы силу духа этих двух гигантов, и пользуются ей, как своей собственной. А они стоят и смеются над своей человеческой старческой слабостью. Зажившиеся, изжившиеся, пережившие несколько поколений иллюзорных друзей, настоящих врагов, временных соратников, вечных завистников и даже полчища вымышленных персонажей, созданных одним из них в сказках, а другим — в реальности и перемешанных теперь в неразберихе человеческой памяти.

Два их профиля напротив погружающегося в океан светила — такие четкие, твердые и острые, что, кажется, тронь — и обрежешься. Такие же

спрессованные и окаменевшие, как Коралл, на котором они стоят. Такие же древние и загадочные, как он. И точно так же как он в незапамятные времена был выдавлен из океана, так и они были подняты над текучим человеческим морем. И так же как Коралл, после смерти они станут атрибутами вечности.

Многие полагают дружбу между почтенными сеньорами Габриэлем и Фиделем чем-то само собой разумеющимся. Это не так. Вернее, не совсем так. Уважать и почитать друг друга они начали еще заочно. Как только сеньор Фидель впервые прочел книгу сеньора Габриэля. А сеньор Габриэль впервые узнал о делах сеньора Фиделя из хроники. Он уже и не помнит — из газет или по радио. А вот дружба пришла потом. Настоящая щемящая сердце дружба, с безоговорочным и полным приятием друг друга как есть, без лести, оценок, деления на хорошее и плохое, на добро и зло. Началась после первой личной встречи и, как все самые верные и бескорыстные дружбы на свете, — не от хорошей жизни.

На самом деле они встречаются не для того, чтобы порыбачить, а для того, чтобы удостовериться в собственной реальности. Как два человека, выживших в катастрофе, о которой кроме них никто не знает, или в котлуре кроме них двоих никто не хочет верить.

Дело в том, что едва пообщавшись на общие темы, выразив, согласно этикету, свое отношение друг к другу и окружающему миру, они пришли к одному и тому же неутешительному выводу. Оказалось, что обе их личные реальности независимо от воли каждого из них с течением времени перерождаются в свои противоположности, сближаются и неизбежно станут неотличимы, как только оба пересекут пределы нашего мира.

Магическая, сказочная реальность книг сеньора Габриэля, погружаясь в человеческое море, выныривала из него пропитанной такими подробностями, такими мелочами повседневного бытия, какие сеньору Габриэлю и в голову не могли прийти, когда он сочинял свои сказки. Большей частью они состояли из метафор, обобщений, легенд и фольклора. Но многочисленные показания участников и свидетелей событий, придуманных сеньором Габриэлем, превращали эти вымыслы в самую настоящую хронику. В то, что все считали самой настоящей правдой. И люди говорили: «Да мол, так и было на самом деле. Иначе и быть не могло».

Реальность же сеньора Фиделя такова, что реальнее вроде бы уже и некуда — физическая, историческая, географическая и вся остальная, — вела себя с точностью «до наоборот». Его Революция, труднейшие годы построения социалистического государства в окружении врагов и адски тяжёлые годы, посвященные обоснованию того, что это — хорошо, — все подвергалось сомнению. Стараниями тех же «свидетелей» и «участников», что бесили сеньора Габриэля, а также при поддержке слухов, прессы, учебных и бюро внешней пропаганды Пентагона, реальность сеньора Фиделя плыла, как марево над раскаленными песками действительности. Все, что он пережил, все, что совершил сам и сподвиг совершить других, все, что

видел своими глазами и заставил увидеть весь мир, все превращалась в легенду, сказку, метафору, обобщение — во все что угодно, только не в правду. Не в то, чем оно было на самом деле.

И ладно, если бы вымысел полностью вытеснял правду, в случае с сеньором Фиделем, а правда полностью подменяла вымысел в случае с сеньором Габриэлем, — это еще ничего. Это еще куда ни шло. Потому что с этим можно как-то бороться. Но вот против полуправды человечество еще не изобрело ничего стоящего.

«За примерами далеко ходить не надо, — ворчал сеньор Фидель, — возьмите речи любого политика, произнесенные с разницей в год или пять лет, и сравните».

Правда и ложь, реальность и вымысел в обоих случаях смешивались в каких-то диких, неопытных, неприличных и непредсказуемых пропорциях. Они слипались в какую-то неимоверную слизь, чахоточную мокроту, гомогенную массу, да так и застывали навсегда. Ни тем, ни сем. А это уже, извините, вообще ни в какие ворота, это уже, извините, абсурд и фарс. И вся эта мерзость погружается в головы людей, превращаясь в их мировоззрение. А такое мировоззрение в недалеком будущем, если кто еще не понял, — хуже вируса. Почтенным сеньорам Фиделю и Габриэлю нравилось то, что они уже старые. Жить в таком будущем никому из них не хотелось.

Бывало, когда нервы разыграются, оба почтенных сеньора пытались успокоить друг друга. Убедить один другого в том, что их вины в этом нет. Что позорная мешанина из правды и лжи, эта тошнотворная блевотина — всего лишь симптом болезни современного мира. Одно из его новых неотъемлемых свойств, приобретенных на пути в преисподнюю. Но от этого было не легче.

— Вы представляете, глубокоуважаемый сеньор Фидель, — жаловался как-то сеньор Габриэль, — приходит ко мне недавно человек и с порога заявляет, что в молодости он де имел сексуальную связь с Камиллой Сагастуме (персонаж романа Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»). Отличалась титанической тучностью, неправдоподобным аппетитом и, при всем этом, потрясающим женским обаянием). И что она в благодарность ему, то есть сеньору Габриэлю, за то, что он на весь мир прославил ее имя, женские прелести и аппетит, велела передать поклон (незнакомец глубоко и долго поклонился) и букетик фиалок. В доказательство правдивости своих инсинуаций врун достал откуда-то из подмышки жестяную коробочку, открыл ее, поддев сложащимся желтым ногтем, и высыпал на рабочий стол сеньора Габриэля кучку трухи. Конечно, сотню с лишним лет назад эта труха могла быть чем угодно. Да хоть бы и фиалками. И действительно, надо отдать гостю должное: труха и по сей день источала тонкий аромат ночных фиалок. Причем, лучших из тех, какие приходилось обонять сеньору Габриэлю за его долгую жизнь.

У другого непрошенного гостя сеньора Габриэля были бешеный, не свойственный его преклонному возрасту взгляд и дерганная, порывистая жестикуляция разувевшегося во всем революционера-неврастеника. И

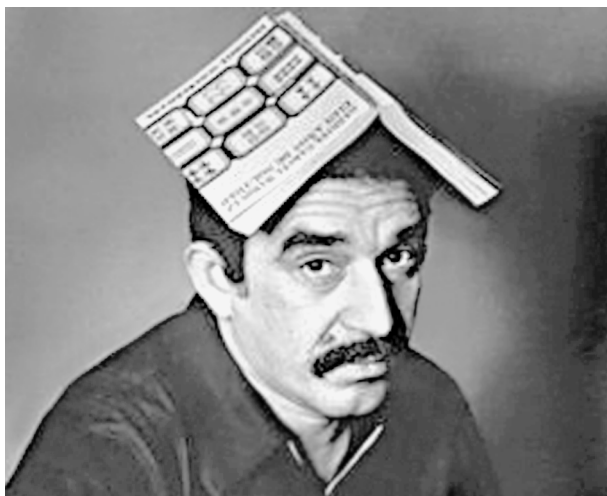
эта человеческая руина утверждала, не обращая внимания на явные нестыковки во времени, будто он — восемнадцатый сын Полковника Аурелиано Буэндиа. Сын — не написанный и не явленный миру пером сеньора Габриэля, а потому и не убитый ни в ночь бойни, когда погибли 16 из 17 его братьев, ни через много лет, когда убили Аурелиано Влюбленного, последнего из 17-и (персонаж романа «Сто лет одиночества». Некоторые из 17 внебрачных сыновей полковника Аурелиано Буэндиа, которых всех звали тоже Аурелиано, имели прозвища Аурелиано Печальный, Влюбленный и Ржаной).

— Куда им, этим канальям, убить меня! — шепелявил старик, нервно хихикая и беспричинно оглядываясь по сторонам, — меня ведь нет, пока Вы меня не написали! Отличная конспирация, ведь правда, сеньор Габриэль!? Я даже эксперимента ради прямо в глаза грозил этим ублюдкам расправой. А они смеются и не верят, что я есть. Вы представляете, сеньор Габриэль, не верят своим глазам. А Вам — верят!».

Он — восемнадцатый сын Полковника Аурелиано Буэндиа — Аурелиано Вечный! Так он себя назвал по аналогии с прозвищами убитых братьев. И он, Аурелиано Вечный, собирается развязать тридцать третью освободительную войну после тридцати двух, проигранных его отцом, и выиграть ее. Не вдаваясь в мелкие подробности, кого и от кого он собирается освободить, дерганный, как марионетка в неумелых руках, визитер умолял сеньора Габриэля всего о двух простых вещах: написать эту тридцать третью войну и написать его самого — Аурелиано Вечного! Вот так просто, сесть за свой стол и написать, как он написал все остальное! И тогда, продолжал визитер, бегая гнилым взглядом, когда и ход войны, и ее итоги будут написаны и незыблемы, удастся избежать огромных человеческих жертв, свойственных реальным войнам. Но что намного важнее: удастся избежать злокозненной и по глупости сделанной фальсификации, которой политики и обыватели неизбежно подвергают все реальные исторические события. Ведь кому, посудите сами, придет в голову вымарывать и переписывать историю, сначала написанную и только потом случившуюся. Да к тому же со всех сторон защищенную «Законом об авторском и смежных правах». «Да и мне не протянуть столько, чтобы пережить настоящую войну», — печально и как-то очень доверительно добавил посетитель.

Старик говорил так горячо и убедительно, так заражал своим предсмертным энтузиазмом, что, наверное, убедил бы кого угодно. Если бы перед ним не сидел один из величайших сказочников мира и лучший среди живущих.

Как акт отчаяния и последнее, самое неопровержимое доказательство своей правды, старикан предъявил золотую рыбку с выковырянными в тяжелые времена рубиновыми глазами. Незнакомец утверждал, что эта рыбка сделана лично его отцом, Полковником Аурелиано Буэндиа за пару дней до смерти среди одиночества и бесконечного дождя над Макондо (вымышленный город, где происходит действие романа «Сто лет одиночества»). Потом незнакомец замолчал, достал идеально чистый носовой пла-

ток, вытер им слезы, сопли, слюни и пот. Затем подбоченился, выпрямился и совершенно официально предложил сеньору Габриэлю пост министра культуры или любой другой на выбор в «Новом Мировом Правительстве». Это правительство возникнет немедленно после тридцать третьей победоносной войны, которую сеньор Габриэль и напишет прямо сейчас, не сходя с

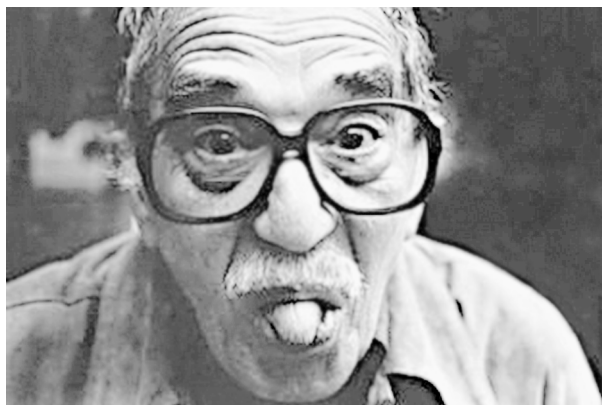
этого самого места. Незнакомец вычурно и с достоинством извинился, что не предлагает сеньору Габриэлю президентское кресло. Ведь оно по праву принадлежит ему, то есть незнакомцу. И, наконец, на секунду превзойдя самого сеньора Габриэля как великого сказочника, старик, словно иллюзионист, взял прямо из воздуха сверкающий белизной хорошей бумаги документ и протянул его хозяину. Это был официальный приказ «Президента Нового Мирового Правительства» о том, что сеньор Габриэль назначается министром «Всего, Чего Угодно». Документ был скреплен дюжиной печатей и одной единственной размашистой подписью с залихватской загогулиной на конце.

— Ну, прямо из вашей книжки персонаж, уважаемый сеньор Габриэль», — с пониманием заметил сеньор Фидель.

Тот помолчал, а потом улыбнулся каким-то своим мыслям и рассказал еще одну историю из своей бездонной коллекции абсурдов. Историю довольно милую, чтобы не так воротило с души.

Буквально на днях, бесцеремонно нарушая своей свежестью, красотой и обезоруживающей наивностью покой и одиночество, дорогой ценой добытые сеньором Габриэлем, его посетила девушка. Еще почти ребенок. Она приволокла с собой увесистый букет алых маков и шлепнула его на стол прямо под нос сеньору Габриэлю. Она сказала, что остов испанского галеона по-прежнему там, среди сельвы (образ из романа Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»). И вокруг него по-прежнему безбрежное море алых маков. И вот они, эти маки. И что она очень сожалеет, что сеньор Габриэль рассказал об этом сказочном месте всему свету. Больше ста лет об этих маках никто не вспоминал. Но теперь, в эпоху кризисов, какому-то долбанному коммерсанту (она так и сказала: «долбанному») пришла в голову мысль использовать галеон, окруженный маками, как туристическую достопримечательность, а имя сеньора Габриэля — как раскрученный брэнд в рекламе этого сказочного места. И теперь крупнейшие туристические

агентства мира включили его в свои прайс-листы. И что он, сеньор Габриэль, может теперь радоваться! Потому что и макам, и галеону, и сельве очень скоро — пипец (она так и сказал: «пипец») из-за его неводержанности на язык! Она, к счастью, успела нарвать маков до массового появления туристов.

Но на обратном пути с вертолета видела, что к безбрежному полю маков сквозь сельву прорубают дорогу. Да так, что у нормального человека захватывает дух, и слезы наворачиваются на глаза. Сначала строем идут какие-то ужасные огромные мясорубки, похожие на механических серийных убийц. Они соскабливают с земли всю растительность. За ними, опять же строем, идут бульдозеры и сравнивают с землей саму Землю-Мать. За ними — исполинские грузовики со щебенкой и дымящимся асфальтом. За грузовиками — катки, после которых остается новенькая, ровненькая дорога. А дальше, словно игрушечные в сравнении с этими монстрами, движутся изящные белые автомобильчики, которые рисуют дорожную разметку. И, наконец, по всем четырем полосам только что материализованного из ничего автобана, медленно течет река легковых автомобилей всех цветов, размеров, форм и марок. Они идут плотно, бампер к бамперу, и битком набиты туристами, гамбургерами, фотоаппаратами, собачонками, скукой, самодовольством, комиксами, тоской и прочими стандартными атрибутами экологической катастрофы. Вся эта мерзость воняет на обе Америки и простирается до самого горизонта, покуда видит глаз. И вся эта сволочь не сможет притормозить, даже если захочет, чтобы в последний раз увидеть море маков, а пройдет его насквозь. Потому что задние напирают на передних, а дороги обратно не предусмотрено по коммерческим соображениям. А вдоль новенькой магистрали стоят новенькие указатели: «До безбрежного моря алых маков 100 миль», 50 миль и так далее. По обе стороны готового шоссе с невероятной, видимой даже на глаз скоростью, строятся мотели, гостиницы, супермаркеты и рестораны быстрого питания. От последних, перебивая смрад выхлопных газов и миазмы жизнедеятельности туристов, нестерпимо разит фастфудом. Потом девушка, покрасневшая от своего трогательного детского гнева, неожиданно замолчала и попросила автограф. Сеньор Габриэль дал. И пока он расписывался на каком-то клочке бумаги, девочка сконфуженно пробормотала объяснение своей беспардонности: «Это для того ... ну ... в общем, пока Вы не умерли, сеньор Габриэль». Поняв, что она только что лягнула, девчонка сконфузилась еще больше, порывисто чмокнула сеньора Габриэля в щеку и выбежала на

улицу. Там ее ждал «Мазератти» с водителем-нянькой, и пара джипов с охраной. Конечно, она тоже была лгунишкой. Правда единственной из лгунов, от кого у сеньора Габриэля осталось что-то хорошее: воспоминания и букет алых маков, проросших сквозь оранжерею его фантазии прямо-хонько в реальность, чтобы порадовать этого ребенка.

По большому счету почитателей творчества сеньора Габриэля можно понять. Неудержимое воображение, талант переживать жизненный опыт сотен людей, как свой личный и единственный, гипнотический слог — согласитесь, не каждый выдержит напор такой сказки. Неудержимый вал вымысла, который прямо на глазах обрастает живым мясом и с самых первых строк составляет серьезную конкуренцию самой реальности в чистоте цвета, силе звука, насыщенности запаха, да и, что там говорить, в правдивости самой правды. И кое у кого, конечно, сносит крышу. Не без этого. И потом: отсутствие точных дат делает события, описанные сеньором Габриэлем, и их участников менее спорными в глазах читателей. А сами события — более значительными для истории. Иногда настолько значительными, что сказки сеньора Габриэля приобретают эпический масштаб, а случайные имена действующих лиц становятся нарицательными на всех континентах.

А вот у сеньора Фиделя все было до смешного наоборот. Пусть он самолично участвовал в некоей военной операции и помнил весь ее ход поминутно! Пусть в этой операции участвовали сотни человек и тысячи были свидетелями! И пусть даже сохранились подлинные кадры кинохроники, добытые и неоспоримо подтвержденные оператором-самоучкой ценой собственной жизни! Но только один хрен! После никто никому не верил! И чем больше проходило времени — тем меньше. Последовательность событий, их причины, следствия и значение для истории многократно и с удовольствием перевирались бумагомараками. Всем известные и совместно пережитые исторические даты подвергались сомнению в корне, произвольно переставлялись с места на место под бдительным присмотром самых отъявленных научных авторитетов. А учебники истории так много раз переписывали, и каждый раз с такой оголтелой субъективностью, самоотверженной авторской энергией и неудержимой фантазией, что превратили их в чистейшую художественную литературу.

По Гаване одно время ходили слухи, что где-то рядом с магазином колониальных духов на 23-й улице до сих пор живет Бессмертный боец номер 91 Первой колонны революции (каждый участник кубинской революции, сражавшийся под руководством Фиделя Кастро, имеет что-то вроде личного официального титула. Например, «Боец номер такой-то Первой колонны кубинской революции»). Однажды, этот очень старый сеньор потерял очки и поэтому попросил внучку почитать ему страницы учебника истории, посвященные его юности. Прилежная школьница быстро нашла нужное место и стала читать. Дед внимательно слушал, не перебивая до самого конца. Потом попросил прочитать еще раз. Потом попросил девоч-

ку уточнить, ту ли страницу она открывала, не перепутала ли она место, время и характер событий. Девочка еще раз внимательно все проверила и ответила, что ошибки быть не может. В учебнике все именно так, как она и прочитала. Дед некоторое время сидел тихо, размышляя над главными событиями своей жизни, за которые он, кстати, получает пенсию и которых, как теперь оказалось, не было вовсе. Потом он встал, отодвинул занавеску, служившую вместо двери, вышел на балкон, кряхтя и сквернословя на старческую немочь, перегнулся через низкие перила и выбросился на мостовую с третьего этажа.

Его похоронили, как хоронят героев революции — с помпой, речами и выстрелами над свежей могилой. А когда усталые и заплаканные родственники вернулись домой, обнаружили деда живым и здоровым, сидящим за столом на своих собственных поминках на том самом месте, где всегда сидел при жизни. Это был, конечно, шок. Но спокойно и торжественно восседавая перед строем перекошенных лиц, выпученных глаз и отвисших челюстей, ехидный старикашка вернул всех в реальность сакраментальной фразой: «А как, по-вашему, сукины вы дети, мне было сдохнуть, если, вашу мать, меня и вовсе-то не было на свете!». И все успокоились, убрали остатки фарса с поминального стола и зажили по-прежнему. А старый воjak взял новую моду. Когда встречался на улице с изумленным, перекошенным лицом, вроде тех, что были у его родни после поминок, то, не дожидаясь глупого вопроса, сразу говорил, громко и отчетливо шепелявя: «Вот теперь-то точно не дождешься, паскуда!». А потом долго ехидно и жизнерадостно хихикал. Пенсию ему, правда, платить перестали.

Так, как-то постепенно и обреченно Габриэль да Фидель стали соседями по истории, которой, вроде, и не было, и друзьями по жизни, в которую уже никто толком не верил. Они теперь и выглядели почти одинаково и с одинаковым юмором и пониманием смотрели на мир, который, даже натравив на него синергию их сдвоенной феноменальной фантазии, никак нельзя назвать реальным. Ведь каждому из них все на свете врал. Врали все по-разному, но одинаково вдохновенно, да так, что взаправдашний мир, созданный одним из них, и вымышленный, созданный другим, становились неразличимы с точки зрения реальности. И чем дальше тем больше эти миры переплетались и срастались.

Вот, к примеру, один из старых и верных соратников сеньора Фиделя, с почерневшими листами исторических хроник в руках, убедительно доказывал ему, что остров Куба — это панцирь той самой огромной библейской черепахи. Той самой, на которой с доисторических времен держится мир. Правда, существо немного усохло за свою практически бесконечную жизнь. Но, наше счастье, с воодушевлением восклицал проверенный соратник, что рептилия не утонула от старости и испытаний водородных бомб. А дальше, не моргнув глазом, на полном серьезе предлагал использовать этот факт в переговорах с лидерами недружественных стран как непререкаемый аргумент в пользу вечной военной неприкосновенности Кубы

и, что еще важнее, как естественное обоснование беспопытной торговли кубинскими товарами по всему миру.

Другой кадр, правда, из молодых функционеров партии, убедительно доказывал Фиделю, ссылаясь на выгоревшие на солнце газетные вырезки и обрывки восьмимиллиметровой киноплёнки, что 17 апреля 1961 г. в заливе Лос Кочинос не было никакого вторжения. То есть, война-то была, но не настоящая. Будто бы это просто снимали фильм. И даже не совсем фильм, а так, эпизод, фрагмент батальной сцены для одного голливудского боевика, который до сих пор с большим успехом идет во всех лучших кинотеатрах мира и продолжает давать отличные сборы. А когда Фидель только собрался задать один из своих каверзных вопросов, который, как всегда, вдребезги разобьет лживые вражеские инсинуации, ему, Фиделю, даже рта не дали раскрыть. Заткнули, ублюдки, глотку заранее приготовленным ответом: «Ну что Вы, что Вы, Команданте! Теперь любой ребенок знает, что кости в Заливе и обелиски по берегам, пенсии и награды выживших, равно как и траур по погибшим, — все это остатки декораций. Их либо бросили за ненадобностью, либо забыли забрать с собой киношники.

— Вы представляете, уважаемый сеньор Габриэль, — сокрушенно, чуть не плача, жаловался синьор Фидель синьору Габриэлю, — Вы представляете, до чего они довелись! Они ведь не щадят даже память Че!

И действительно, уже несколько лет, как многочисленные очевидцы рассказывают Фиделю о том, будто бы лично видели Эрнесто Гевару уже после его «широко объявленной смерти» и даже говорили с ним. Будто бы Команданте Нумеро Зеро самолично подменил себя другим человеком. Двойником, которого он, Гевара, специально для такого случая припас заранее. Будучи врачом, собственноручно изготовил путем многочисленных и длительных вивисекторских операций, что пострашнее пыток. Изготовил из ни в чем неповинного живого человека, которого вместо него и шлепнули в Боливию. У него, то есть у Команданте Че, — домик в джунглях, больше похожий на небольшой дворец, взлетная полоса с Боингом 747-430 на ней, и, несмотря на возраст, — молодая жена с кучей детишек, а также крепкие связи среди двадцати богатейших семей планеты. И в самое ближайшее время семейство сеньора Гевары станет двадцать первым.

Говорят, что вся эта история с кубинской революцией, от которой ему ничего не досталось, и со всеми прочими революциями, какие безрезультатно пытался развязать Команданте Че, и главное — его героическая смерть, — были всего на всего грамотным маркетинговым ходом и отвлекающим маневром гениального коммерсанта. Того самого, который и живет теперь во дворце. Будто бы его осенило еще в молодости, когда он слонялся по Латинской Америке на мотоциклетке. Маркетинговый ход получился следующим: из всех идей, которые, как воздух, необходимы тонущему в собственном дерьме человечеству, чтобы не ощущать себя таковым, — самая эффектная, востребованная и коммерчески привлекательная, — эта идея борьбы с тем, что принципиально непобедимо. А именно — идея борьбы с собственным дерьмом. Следовательно, человек, созна-

тельно погибший в неравной, изначально бесперспективной схватке с тем, что непобедимо, и есть герой. Но чтобы стать реципиентом всех дивидендов от успешно провернутого дельца, надо умереть не реально — в Боливии, а идеально — в головах человечества. И теперь Команданте Нумеро Зеро единолично контролирует весь мировой бизнес сувенирной продукции со своим изображением. Делает он это эффективно и жестоко, используя методы герильи. Говорят, что любое, абсолютно любое его изображение на свете приносит доход оригиналу. Некоторые злые языки поговаривают, что даже если глупый подросток нарисует на стене граффити с его рожей, то к родителям ребенка приходят люди интеллигентного вида и объясняют ситуацию. Если те не верят, то люди интеллигентного вида говорят примерно следующее: «Вы уж лучше, дорогие родители, поверьте нам. Если вы не заплатите, то потом сами сможете сколько угодно рисовать портреты сеньора Гевары на стенах, обмакивая пальцы в мозги вашего прелестного ребенка». И, говорят, не было случая, чтобы кто-то не заплатил.

Сеньор Габриэль слушал сеньора Фиделя с негодованием и пониманием: «Они так врут, так врут!» — почти в отчаянии сокрушался он. А сеньор Фидель выразил суть их общего негодования. В угоду другу он мастерски спародировал свойственную тому в высшей степени грациозную манеру излагать сложные вещи просто: «Если так пойдет и дальше, глубокоуважаемый сеньор Габриэль, то нам с вами, чтобы не потерять веру в реальность собственного геморроя, придется постоянно ходить с пальцем в заднице». Сеньор Габриэль оценил и расхохотался, как молодой.

А досточтимые сеньоры Фидель да Габриэль в это самое время уже медленно уходили от берега, осторожно ступая по неровностям Коралла, на всякий случай с дружеским участием поддерживая друг друга за локти. Дорогу им специальными фонариками освещали специальные холуи, выросшие словно из-под земли в ту самую секунду, как почтенные сеньоры двинулись от берега. Они шли к специальным машинам, чтобы домчаться на них до специальной резиденции и уснуть. Несмотря на усталость, почтенные сеньоры продолжали беседовать. И сколько бы я отдал, чтобы услышать, о чем на самом деле они говорят. О чем могут говорить между собой два мастодонта эпохи, два старых человека, каждый из которых — эпоха сам по себе. Два величайших на свете, недостижимых уже для смертных реалиста и в то же время два непревзойденных сказочника. Два магических реалиста, которые, каждый по-своему, с помощью одного только воображения и испанского языка создали таинственные страны. Каждый свою. Один — Республику Куба, другой — селение Макондо. И пусть никого не вводит в заблуждение разная степень реальности двух этих миров. Что один — разбросан по книгам, а другой — плывет в океане. Природа двух этих стран одна и та же. Почтенные сеньоры вытащили их из небытия: Маркес — Макондо, Кастро — Республику Куба. Явили миру исключительно благодаря двум своим нечеловеческим воображениям и виртуоз-

ному владению испанским языком. Они — обладатели одного и того же редкого дара: заставлять огромные массы людей видеть как реальность плоды своего воображения. И ты посмотри, как одинаково ведут себя обе их магические реальности, соприкасаясь со временем и постепенно погружаясь в него. По мере того, как стенографируются речи сеньора Фиделя, по мере того, как история Республики Куба фиксируется в хрониках, учебниках истории и произведениях писателей, она все больше становится похожа на историю Макондо, никогда на существовавшего на земле. Но для читателей не менее реальной, чем история Кубы. И нет никакого сомнения, что со временем обе эти истории станут неразличимы с точки зрения реальности. Обе они останутся только на бумаге, да на серверах компьютерных сетей будущего.

«Пройдет много лет» (первые слова романа «Сто лет одиночества») и обе эти истории люди станут читать, как сказку. А реальность, та, что здесь и сейчас, в которой одной только возможно создавать вымыслы, истончится и исчезнет. И до чего же хочется хоть краем уха услышать, о чем говорят между собой эти, пусть уже очень старые, но все еще абсолютно реальные кабальеро. Послушать, пока они оба еще живы. До того, как реальности, поднятые из небытия их воображениями, схлопнутся, как раковины, и канут обратно в небытие. До того, как остановится время и свернется пространство созданных ими миров. До того, как обе их истории будут дописаны до конца.

Ведь «все в них записанное никогда и ни за что больше не повторится». Потому что даже таким людям, как Габриэль Гарсиа Маркес и Фидель Кастро Рус, «не суждено появиться на земле дважды» (последние слова романа «Сто лет одиночества»).